

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сберегательный банк СССР предлагает населению сертификаты. Они выпускаются на 10 лет достоинством 250, 500 и 1000 рублей и являются ценными бумагами на предъявителя, при утрате не возобновляются.

● При соблюдении 10-летнего срока хранения по сертификатам выплачивается 4 процента годовых.

● После истечения 10 лет проценты не начисляются, но к оплате сертификаты принимаются без ограничения срока. В случае предъявления сертификатов к оплате ранее 10 лет проценты выплачиваются дифференцированно за фактическое количество полных лет. При хранении сертификатов менее одного года проценты не выплачиваются.

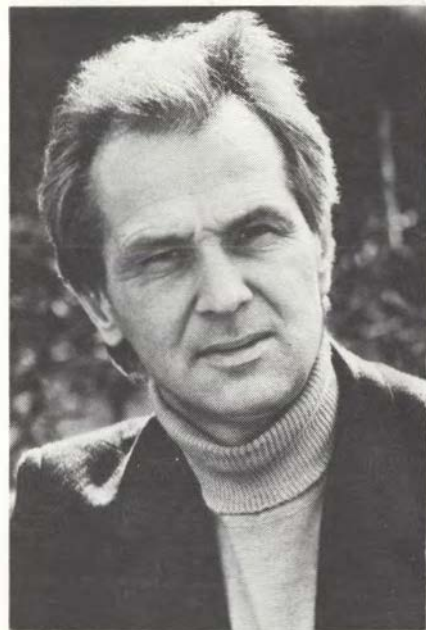
● Выплата процентов по сертификату производится только вместе с его нарицательной стоимостью в соответствии с таблицей, которая указана на оборотной стороне сертификата.

**Российский республиканский банк
Сберегательного банка СССР**

№ 18

1988

Александр ГОВОРОВ

· ОСТАЛИСЬ ГОДЫ
ЗА ПЛЕЧАМИ...

**М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»**

Александр ГОВОРОВ

ОСТАЛИСЬ ГОДЫ
ЗА ПЛЕЧАМИ...

ЛИРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Александр ГОВОРОВ

Александр Александрович Говоров родился 15 марта 1938 года в поселке Тим Курской области. Раннее детство его прошло в оккупации. Работал в колхозе, учителем, инструктором РК ВЛКСМ, в райгазете. В 1957 г. призван в ряды Военно-Морского Флота СССР. В следующем году стал участником совещания армейских и флотских поэтов в Киеве. Стихи — взрослые и детские — понравились академику, поэту М. Ф. Рыльскому, по рекомендации которого матроса Говорова направили на учебу в Москву.

Первая книга лирики «Веснянка» вышла в 1960 г. в Курске с предисловием прекрасного русского поэта Н. Н. Ушакова. Вслед за ней он издал в Москве 30 книг лирики и поэм, а также книг для детей и семь остросюжетных повестей в прозе. Стихи его переводились на многие иностранные языки и языки народов СССР.

А. Говоров — трижды лауреат премии журнала «Огонек».

* * *

У меня на родине,
На Курщине моей,
В каждой огородине
Свой

соловей.

В каждом огороде
Хвалят певца.

А деды, собравшись,
Хвастаются.

Лодочкой ладошки —

Мол, слух не тот.

Станут у картошки —

Чей лучше поет.

Стоят.

Молчат.

Волнуются.

А соловьи

Соревнуются.

В сочных коленцах

Смородиновый куст:

— Ай,

не ленится!

Ай,

хлюст!..

Знать, не зря

Поклевал соловей

Знатных,

Отборных,

Курских конопей.

У меня на родине,

На Курщине моей,

В каждой огородине

Свой

соловей.

ТИМ-ГОРОДОК

Затемнился тихой тенью Тим,
Томным стал
И стал туманно-кротким,
Так он мал,
Что именем коротким
Сам назвался:
Мол, на том
стоим.

Все хорошее
Я тайно Тимом звал,
Все плохое
Временем размыло.
Так он мил,
Что даже
детство мило,
Детство то, которого не знал.

ВСПОМНИМ ДЕТСТВО

Вспомним детство! — а детство было —
Лучше б громом его разбило!
Черт возьми, и врагу зазорно
Пожелать такого, сынок:
Из борозд выдирали зерна,
Чтобы
что-нибудь
на зубок.

И нутро мое жгло от водянки,
Был я весь, как сплошной синяк.
А поймали б —
За это мамке
Десять лет
И меньше никак.
Вспомним детство...
В каком же классе,
Лишь услышал — и онемел,
Мол, я в детстве своем мало каши —
Манной,
пшениной,
гречишной ел.
Я ли ел?

Не слышал и не видел,
Я о пище такой и не знал...
Так меня поговоркой обидел
Этот кто-то, что аж застонал.
И сквозь зубы сипел ошалело:
— Ма-ло
 ка-ши! —
Скрипел по складам.
И за это неправое дело
Схлопотал тот остряк по зубам.
Я мечтал — вот прогоним немца,
Вот добьем его на корню,
До отвала я каши наемся
И сестренку свою накормлю.
А вернутся с победою н а ш и,
И в землянку вернут хлебный дух,
Потому что все детские каши
Гитлер съел
 (чтоб от каш он распух!).
Ох, сынок! Никуда мне не деться,
Годы бедствий приснились опять...
Вспомним детство...
А было ли д е т с т в о?
Вспомним детство...
А ч т о вспоминать?

ПАМЯТИ Ю. Б. ЛЕВИТАНА

Грусть-печали и злее и туже,
Перехлестывают через край...
— Спой мне песню...
— Какую?
— Да ту же
Спой мне, мама, или сыграй.
Улыбнись, как тогда, играя,
Будто мы возвратились из рая,
Где земной, довоенный сад,
Где на травку лишь только присядь —
И взлетишь
 в негу-тишь, замирая.
Свет веселый весенней акации
Мне приснился или же нет?
...Годы страшные оккупации

Тянут след
 через толщу лет.
От водянки — на ране рана,
Голод жжет,
Все черёва печет:
Пальцем ткни — и как из-под крана
Струйка жгучая потечет.
Сорок лет прошло... Ну и что же?
Только вспомню — мороз по коже,
Замолаживает бедá...
...Ты прости мне, мама, т у д а,
В те года
 опустился, похоже.
Дорогой Левитан, погоди,
Помолчи, словно дух, заклинаю.
Не могу... Наконец, не желаю,
К микрофону не подходи.
Все причастны к утратам, к победам,
Но грущу и средь светлых вестей.
...Спой мне, мама,
И мы поедем,
В рай поедем на песне твоей.

ГОРЯТ ГЛАГОЛЫ

За горами — снова горы,
Горе —
 в горле,
Голод
 в годы,
В детские при этом.
...Ждать какой еще погоды?
Ждать — не ждать —
Поедем.
А куда?
Туда — где голы,
Где с сестренкой пухли...
В нашем детстве все глаголы
С голода потухли.
Думалось... Но доля злая.
Думалось... Но жил,
Не зная:

За горами —
 снова горы.
Что ж, туда
Иль струишь?
Вспыхнули,
Горят глаголы,
Грея тебя,
 русич!

снова горы.

Что ж, туда
Иль струсишь?
Вспыхнули,
Горят глаголы,
Грея тебя,
русич!

Иль трусишь?

Вспыхнули,

Горят глаголы,

Грѣя тебя,

руси́ч!

СТРИБОГ

Эй, гони, гони, гони, гони!
Пусть Стрибог мне в уши дует,
Пусть душа моя тоскует
Все немыслимые дни.
Далеко ли путь лежит,
Цель близка али далече?
Дорогой мой человече,
Что там впереди дрожит?
Что-то я недосмотрел.
Вот Стрибог мне в уши дунул.
Я о жизни столько думал,
Что о смерти не успел.
Так сильней, Стрибог, дыши,
Чтобы думы поотстали.
Мы все гнали, гнали, гнали
Мимо собственной души,
Переполненные горем,
Мимо собственных сердец.
Эй, гони, гони...
Загоним
Мы Русь-тройку наконец!

Пусть Стрибог мне в уши дует,

Пусть душа моя тоскует

Все немыслимые дни.

Далеко ли путь лежит,

Цель близка али далече?

Дорогой мой человек,

Что там впереди дрожит?

Что-то я недосмотрел.

Вот Стрибог мне в уши дунул.

Я о жизни столько думал,

Что о смерти не успел.

Так сильней, Стрибог, дыши,

Чтобы думы поотстали.

Мы все гнали, гнали, гнали

Мимо собственной души,

Переполненные горем,

Мимо собственных сердец.

Эй, гони, гони...

Загоним

Мы Русь-тройку наконец!

ЧТО Ж ТЫ СТОНЕШЬ?

Я помру — положат в^сземлю,
Но и там — простор везенью
И, конечно, чудесам.
Неужели же веселью
Не найдется места
Т а м?
Нецелованая ходишь?

Но и там — простор везенью

И, конечно, чудесам.

Неужели же веселью

Не найдется места

Т а м?

Нецелованная ходишь?

Все прохожих
Взглядом холишь,
Липкий

взгляд

Под липкой
взят?

Милая,
Так что ж ты стонешь,
Как сто тысяч лет назад?
Верю в душ переселенье,
Больше ж верую в веселье,
Грусть-тоска была и нет.
Это ж чудо
И везенье,
Что воспел я этот свет.
Ну, а тот?
Живу,

не зная,

Выпадет ли доля злая,
Будет ли добра ко мне?
Все ж

скажу я,

умирая:

— Пел

душевно

На земле!

А помру — положат в землю,
Но и там
Взорлю к веселью,
Буду песни петь и там,
Не подвластный злему зелью,
И унынью, и врагам.

Я — НА БАБУШКЕ ЖЕНАТ...

Я — на бабушке женат...
То ль сарказм,
А то ли юмор?
Это ж надо,
Чуть не умер
Я от смеха год назад:
Я — на бабушке женат.

Есть сноха и даже зять,
Свекор я ни дать, ни взять.
А жена-то стала тещей
Что?

Мегерой?
Воблой тощей?
Впрочем...
 в общем...
Как сказать...

Возвращаюсь вновь и вновь,
Морщю лоб
И хмурю бровь:
Все в жене — жена и теща
Да к тому ж еще... свекровь.

Все в жене одной-одной,
Три понятия вместила.
Все в жене — и власть, и сила,
Мне —

 хоть в петлю головой.
Я лежу
Или сижу,
За женой своей слежу,
Лишь вздохну,
 потупив взгляд,
И растерянно твержу:
Я —

 на
 бабушке
 женат...

* * *

Луч мелькнул на этаже.
...Ну, а было, было
Так погано на душе —
Мама не звонила.
Думал, стар, устал уже,
Грустно и уныло.
Вдруг сверкнуло на душе —
Мама позвонила.
Радуга

Среди зимы,
Радуга в метели.
Радуйся! —
И рады мы,
Рады в самом деле.
Это ж надо — день какой,
День... велик день прямо.

Сам уже давно седой,
А все ...мама ...мама...

* * *

Я не достиг своих желаний —
Моли меня иль не моли.
Не прогоняй воспоминаний,
Не отнимай — они мои.
Оставь их мне...
Я весь с тобою,
С тобою нежен я и тих.
Но часто с легкою тоскою
Я тихо погружаюсь в них,
И вот, покамест там брожу я,
Ты жди и ласково встречай,
Напрасной ревностью, прошу я,
Прошу, себя не огорчай,
И верь,
Тебя я не ославил,
Я все отдал своей семье,
Я все отдал
И лишь оставил
Воспоминания себе.

* * *

Жизнь моя — и свет и слякоть.
Жизнь моя — неужто .сам?
Мне уже
Не петь, а плакать
Остается по ночам.
А бывало...
Без труда,
Где уж там... любовь... работа.

А бывало...
Города
Девушкам дарил без счета.
А теперь —
Все шатко-валко,
Потому, знать, и суров.
А теперь —
Деревни жалко,
А не то что городов.

В ЗЕЛЕНОМ ВОЛНЕНЬЕ МАЯ

Как я люблю зеленый май —
Веселой весны волнение.
И плещется плавно
В плавнях Дунай —
Дунай,
Дунай —
Дуновение.
И дышится чисто и легко
Долгим
Дунай-дуновением.

Отдохновение на душу легло
Маминым
Благословением.
Ты слышишь ли?
Снова к себе зову
В зеленом волнение мая.

И чудится мне —
Свой век я живу,
Чужого не заедая.
И все зову зеленый май,
Веселого мая волнение...

И плещется плавно
В плавнях Дунай —
Дунай,
Дунай —
Дуновение.

КОСОЙ ДОЖДЬ

Радуга, радуга,
Ой, дид-ладо, чудо!
Радуйся,
 радуйся!
Возрадуйтесь, люди!
Возрадуйтесь дождинку —
Лей,
 разливайся.
Возрадуйтесь зернышку —
Пей,
 напивайся.
Дождь косой распрыгался
Над просторной степью.
Зернышки,
 как в пригоршнях,
На высоком стебле.
Издали слышится
Песня землепашца.
Так легко мне дышится,
Что не надышаться.

И на ветки таволги,
Искрами сверкая,
Опустились иволги,
Хором выкликают:
— Радуга!
— Радуга!
— Ой, дид-ладо, чудо!..
Радуйся,
 радуйся!
Возрадуйтесь, люди!..

ПРАБАБУШКА

Песенка бегущая,
Плавная, а не вскачь,
Долгая, тягущая,
Грустная,
 хоть плачь:
— У родимой маменьки
Маленькой росла...

...Прямо у завалинки
Вспыхнула роса.
— Детки много вынесут,
Да о том ли речь.
Думалось,
Вот вырастут —
И заботы с плеч.
Подросли, а кажется,
Все не так у них...
...Тихо песня катится.
Вечер мягок, тих.
— Доченька-то слабая,
Ох, тяжка сума...
— Слышь,
А дочка старая —
Бабушка сама.
Младший — тоже дедушка,
Хватит слово мять.
— Как же... э... соседушка,
Как же...
Я же — м а т ь.
Кто ж и позаботится?
Мне лишь по плечу.
Я матерью,
Как водится,
Свой век
дожить хочу.

* * *

Ночь. И туман. И кони
Белые, как во сне.
Я подставляя ладони —
В ладони дышали мне.

Воздух клубился теплый,
Взвеивал костерок.
И среди них был мокрый
Снежный стригунок.

Луг выплывал,
Расплывался,
Веял снами урман,
Волнами волновался,

Вольно волнуясь, туман.

Я подставлял ладони
Коням и тишине.
Ночь. И туман. И кони
Белые, как во сне.

* * *

Утро такое, как вдох.
Вечер такой, как выдох.
Милая,
Взгляд изнемог,
Вдыхая на этих видах.
Мне бы теперь с тобой
Утром почти дошкольным
Тихо поплыть над тропой
По холмам колокольным.
Мне бы...
Смотри, на сосне
Белочки ягодки сушат.
Мне бы...

Да что лишь все мне?
Вот бы тебя послушать:
При рождении дня
У древнерусского вала
Как бы на месте
Меня
Ты обо мне тосковала?
Как бы? —
Представить не смог.
Как бы? —
на этих видах?..
Утро такое, как вдох.
Вечер такой, как выдох.

* * *

Возвысь мою радость во мне
Приходом своим навсегда.
Смотри —
Заплескалась во мгле,

Как жаворонок, звезда.
О, хлебная птица моя,
Звездой вечерней свети.
И снова шепчу я, моля:
Приди, моя радость, приди.
Собой заклинаю —
Приди,
Судьбой заклинаю —
Приди,
Приди
И тоску упреди,
Приди, моя радость, приди.
Возвысь мою радость во мне
Приходом своим навсегда.
Смотри —
Заплескалась во мгле,
Как жаворонок, звезда.

АНТОНОВКА

Ну и антоновка,
Черт подери!
Дорого ль,
Дешево ль —
Знай бери.
Статная баба —
Руки в бока,
Лишь улыбнется, —
И нет мужика.

Ай да антоновка.
Ай да колхоз.
Ай да колхоз —
Рассыпчатой воз.
Зернышки в яблоках
Мелко дрожат.
Словно бубенчики,
Виноград.

Парни нахохлились.
Мужики
Топчутся рядом,

Как индюки.
Слово б,
Полслова —
И драка
 готова.
Но замирает
Последнее слово.
И водворяется
Мир-перемир —
К возу подходит
Муж-бригадир.
Парни
 попарно
Идут не спеша.
Ай да антоновка —
Хороша.

ЖЕЛАНИЕ

Словно мед растекается в воздухе.
От луны до меня — борозда.
Вон вдали на сосне, как на гвóздике,
Одинокая стонет звезда.

Всюду нега. Везде ожидание.
Я ль? Не я ль? Быть — не быть чудесам?
И такое...

 такое желание —
Ненасытное, больше чем сам.

НА КАРТОШКУ ЖУК НАПАЛ

На картошку жук напал,
Колорадский жук.
Бил его,
Травил,
Сжигал...
Как же он сюда попал,
Колорадский жук?

Не хватает рук, ей-ей,
У мужчин и баб.

И с алхимией своей
Век химерный слаб.

В век трагичных катаклизм
Жук? —

с ума сойти...
Вот тебе —

капитализм,
Господи прости!

ДУНЬКУ — В ЕВРОПУ

Слышен голос — тише, ближе,
Вдох вот здесь, на этаже:
— Так давно была в Париже,
Что не верится уже...

Ишь ты...
Тянет холод древний,
Шепчет князь, а может, смерд?
— Мы рождаемся в деревне,
Чтоб в Париже умереть.

Ишь ты... и туда... поди же,
Композитор иль поэт?
Ну, а кто рожден в Париже,
Что ж, ему — в деревню? Нет?

Дунькой стонешь,
С детства тонешь
И вовек не воспаришь.
...И деревни ты не стоишь,
А туда ж... хочу в Париж!

МОНОЛОГ

— Легко мне было у мамы.
Да вот посудите сами:
И крепко спал,
И сладко ел,
И сам, как мяч,
Лишь вскачь
летел —

Легко мне было у мамы.
У мамы легко мне было:
Все было
 с жару с пылу...
Теперь лишь вздохну,
От забот не усну.
...У мамы легко мне было.

НОЧЬ В УССУРИЙСКОЙ ТАЙГЕ

Лай собак вдалеке
Где-то там,
 за Уссури.
Знаю,
Не спишь
 в эту тишь,
В тоске,
Хотя давно уснули:
 божьи коровки,
 сизоворонки,
 сороки-воровки,
 сойки...
 все сопки —
И всякая прочая жизньность.
И так полыхает
Жи-
 мо-
 лость,
Что струи вскипели в реке.
Но лай собак вдалеке...
Я слухом тянусь,
Тянусь,
Заныла и колом шея...
Здесь тыща верст
До жилья,
 как до звезд,
Ищи-свищи,
Лишь клещи
 да гнус —
Награда за корень женшенья.
Но лай собак вдалеке
Где-то там,
 за Уссури.

Струи вскипели давно в реке,
И сам я вскипел до дури.
А был я и смел,
И молод, и горд...
Но лай...
но близость хунхузов...
И чертыхнулся,
Проснувшись, гольд,
Глаза еще более сузив.
Крякнул:
— Твоя-моя — не злы,
В покое оставь свои пули.
Эк, разбrehались
К утру... козлы,
Как будто собак спугнули...
Подбросил плах,
Порывшись в золе,
И вновь улегся на плахи...
И вспыхнул костер,
Как звезда на земле,
И отшатнулись страхи.

НЕ ЖИТЬ МНЕ С ШИКОМ...

Вот так дед! Такого деда
Даже черт не обведет.
Он такое вдруг загнет,
Что лишь крякнет сам на это.
— Ты, внучок,
Не морщ чело,
Я — сморчок,

но только с виду.
А вот я на люди выйду —
Вроде вовсе ничего.
Однава, однак, живем.

Я свою б мегеру выдрал,
А себе такую б выбрал,
Если стал бы королем.
Сам подумай, — дед опять, —
Бабка стала не по чину,
Что за радость обнимать
Этакую образину!

Ей —

горшки да порошки,
Все кряхтит, что ломит спину.
Ты мозгами пораскинь,
Я, конечно, пораскину.
Королем —

да не грешить...
(Дед совсем раздухарился) —
Да еще

с мегерой жить —
Кто б на это согласился!
Цацею должна при нем,
Королевою воочью.

Ведь с утра уже прием,
Важные приемы ночью.
Впрочем,
Что ж я речь веду
И куда забрался сдуру:
Если жить все на виду,
Позабудь про шуры-муры.
В гости все
Да из гостей,
Собираться да кататься —
Этак можно без детей
И без внуков оказаться...

Дед вздохнул:
— Не жить мне с шиком,
Королем
Мне не бывать.
Нужно быть,
Ну, этим... психом,
Чтобы чин такой принять...

ЛИШЬ ПОДУМАЛ О ДРУГОЙ

Я шагал и напевал
— Ты сразила наповал
Меня,
бедолагу.
Как я жил!
Не жил — летал,

А теперь я стал...
Устал,
И без тебя — ни шагу.
Столько мне с тобой возни,
Господи помилуй.
Быт —
из битв,
И черт возьми
Деток вместе с милой,
С ними все —
Уютный дом,
Да и все,
Что в доме том... —
Так сражался с дорогой,
Так скулил за печью...
Но... подумал о другой —
Поперхнулся речью:
Глядь —
Моя уж тут как тут,
Глядь —
Меня и дома ждут,
Глядь...
поглядь...
Не стало сил.
Вдруг,
вздохнув устало,
Так запел и заскользил,
Как будто с т о й застала.

ОБЛАКО

К вечеру невесело
Облако навесило
Снег
на лес, на луг...
Хожу,
Прошу:
— Не вей
в село
Постылый,
стылый
Пух...
Но ахнуло,

Но охнуло,
И стало вдруг светло...
И распушилось облако —
Об-

во-
лок-
ло

Село.

* * *

Утренние заморозки —
Жарко стонут
Жаворонки,
Зябко стынет
Лес...
Как же все же влез
Колокольчик,
 надо же,
В синь
 и в стынь
Небес.

АИСТ

Замедлены мгновенья
После августа:
И все вдруг
Пригорюнилось окрест.
...Как будто в ссылку
Отправляли аиста
И отрывали
 от родимых мест.

* * *

Одуванчики, отцветая, тают:
Как будто весь день
От зари
 до зари
Мальчишки в травах сидят
И выдувают
Мыльные пузыри...

Я приеду к тебе
По весеннему снегу,
Когда первый скворец
Опускается с неба,
Мы постелем на землю
Полынного цвету,
С прошлогодним укропом
Вперемешку постелем,
А сосновые лапы
Развесим по стенам,
Остановим московское время
На время,
А соседям ты скажешь,
Что тебя дома нету.
...Будет ночь,
И какая короткая будет!
Не качайся, земля,
И оставьте в покое нас, люди.
Твои губы пропахнут
жесткою,
горькой
полынью,
Твои груди пропахнут
женскую
гордой
теплынью —
Утоную в теплоте...
Ты меня ожидаешь.
Я приеду к тебе,
Ты ведь знаешь,
Ты знаешь.
Но не знает никто,
Не узнает поныне,
Что с тобой мы из царства
Любви
и полыни.
И к тебе приезжаю
По весеннему снегу,
Когда первый скворец
Опускается
с неба.

Я ходил по пескам,
Дон
 ладонью
Плескал.
Видишь?
 Дон,
Лишь выйдешь.
Если Дон обласкал,
С Дону нету выдач.
В Белокаменной Москве
Жил
 да
 был,
Да выбыл...
Даже злой грусть-тоске
Дон меня не выдал.
Синь
 и звон,
Стынь —
 вон,
В звоне Дон былинном.
Сдунь —
 не сдунешь
С дум
 Дон —
 Встанешь, как под гимном.
— На века?
— На века! —
Ну, а тронь казака,
Вспыхнет — не остынет.
Раззудится рука —
Дон за плечи вскинет.
Я ходил по пескам,
Дон
 ладонью
Плескал
К славному Ростову.
Если Дон обласкал —
Нет выдачи с Дону.

Глебу Стриженову

Остались годы за плечами.
С годами слышится сильнее:
— Не приглушай
Свои печали,
Не заглушай
Любви своей,
Не обходи спокойно нечисть
И с ней вступай и в спор, и в бой...
И знай:
Лишь труд один излечит
Любую скорбь,
Любую боль!
И пусть нежданно, неожиданно
Ты в мир пришел и вот идешь...
Так нужно жить на свете жадно,
Как будто через час умрешь!

ПОД ЗВЕЗДОЙ ВЕЧЕРНЕЙ

Вот и зима за летом
Медленно прикатила.
Шел за тобою следом,
Слушал,
а ты говорила:
— Любишь или не любишь,
Обманешь иль не обманешь.
Лучше найдешь —
Забудешь,
Хуже найдешь —
Вспоманешь...
И под звездой вечерней
Так неуютно было,
Словно со всей вселенной,
А не со мной говорила:
Сейся,
снежок,
Да сейся,
Рассеивайся по полю.
Зла не держу на сердце,
Лишь сожаленье с болью.

Знаешь,
Ну, если не любишь,
Сердце свое не обманешь:
Лучше найдешь — забудешь,
Хуже найдешь —
Вспомынешь...

ДОГОНЯЛ МЕЧТУ В ТОСКЕ

Догонял, гонял и гнал,
Гнал, как бают, в хвост и в гриву.
Не до жиру —
Быть бы живу,
Свою б жилу
Не сорвал.
Гнал, не ведая путей,
Через топь и пень-колоду,
Не снижая скоростей,
Не своей мечте в угоду.
Ай, лю-ли... все споры —
Скоры:
Перестрой и недострой.
Плеть исхлестана и шпоры —
Ни к чему, хоть стой, хоть вой.
Отойди, пусти, подвинься,
Догонял мечту в тоске:
Думал я —
на кабардинце,
Думал,
на ахалтекинце,
А всего... на ишаке.

ЧУДНЫЕ НОЧИ

О, ночи чудные Пицунды —
Во мне, в тебе — все до секунды.
И на заре, когда медузы
К прибою медленно спешат,
Мне чудится,
Как будто дюзы
Под мантией у них дрожат.
Пришельцы ли? Спаси-помилуй.

Пригрезится ль? Не в том вопрос.
Но шепчешь мне:
— Скомандуй, милый...
И я команду всерьез:
— А ну, продуйте свои дюзы,
И в Турцию марш-марш,
Медузы!..
Гляжу — одна, за ней — вторая,
Как будто сбросив тяжкий груз,
Лишь крестовинами сверкая,
Фонтаны выдули из дюз.
Почудился и рокот дюжий,
Взвыл и замолк. Лишь тишь окрест.
Да небо
Медленной медузой
Развертывает солнца крест.

* * *

Не ангел и не фея,
По небу, не по земле,
Милая,
 нежно млея,
Медленно шла ко мне —
Камланье?
Комета Галлея?
Комедия скомканных дней?
Косметика? Космос?..
Наглея,
Глазами тянулся за ней.
За неприступной стеною
Стенаю:
 баба — мужик.
За богом, за сатаною,
За... вырвать бы мне язык.
Язвительно: дулю — в дуло?
Сыплется страх с весла.
Пыль сдувая,
 сдула,
Жизнь мою принесла
Не ангел и не фея,
По небу, не по земле,
Милая,
 нежно млея,
Медленно шла ко мне.

РОМАНС

«Подари на прощанье мне билет...»

Пойти мне туда — не знаю куда,
Лишь бы куда-нибудь.
Принести ль тебе то, не знаю что,
Лишь бы отправиться в путь.
Лишь бы весь день — в пути, в пути,
Лишь бы и ночь почти.
Лишь бы... но только меня отпусти.
Лишь бы... меня прости.
Тишь да не тишь, глядишь да не то,
Не веря своим глазам.
Принести ль тебе то, а знаешь ли что?
Я тоже не знаю сам.
Затих и роман, как романс без следа,
Струны чуть-чуть теребя.
Лишь бы забыть мне тебя навсегда,
Лишь бы забыть себя.
Пойти мне туда — не знаю куда,
Лишь бы куда-нибудь.
Принести тебе то, сам не знаю что,
Лишь бы отправиться в путь.

ПЕНИТЕЛЬ ВОЛН

Гой, рысак соленых дорог,
Э-ге-гой!
Страсть благородна —
Свободна —
С тобой,
Пой,
 дорогой,
Дорогой,
 полной извечных тревог,
Пенитель волн морских.
Слушай:
— С у ш а!
А случай
 будь строг

В крепких руках мужских.
Всегда и везде
Шесть футов —
 под киль
На весь немыслимый путь.
Случай иль бог удачу подкинь
И не покинет пусть!
Пой:
— На рысях
Попадешь ли впросак
Под рынды
 рыдающий
 звон?..
Гой,
 соленых дорог рысак,
Пленительный
 пенитель волн.

* * *

До конца прощальных дней,
Что я сделал?
Что успею?
С каждым годом все грустнее
Долгожданный юбилей.
Грусть такая — ай, лю-ли! —
Словно утром рано-рано
У веселого цыгана
Вороного увели.
Он другого уведет.
Но такого... но такого...
Но такого не найдет
Вороного. Вороного...

УДЕЛ РУССКОГО ПОЭТА

А думалось — построю дом,
И все заботы — кверху дном.
Построил...
Вышел, ой же ей,
Ничуть не гоголем, не гордо.
Так, думалось,

И соловей,
И с присвистом,
И во все горло
Поет все о любви своей,
В ночи, как уголь
Раскаляясь.
Во, думал, ухарь!
Во, дает!..
А он,
 поверьте,
Чертыхаясь,
Не спит все ночи от забот.

СОДЕРЖАНИЕ

«У меня на родине...»	3
Тим-городок	4
Вспомним детство	4
Памяти Ю. Б. Левитана	5
Горят глаголы	6
Стрибог	7
Что ж ты стонешь?	7
Я — на бабушке женат...	8
«Луч мелькнул на этаже...»	9
«Я не достиг своих желаний...» . .	10
«Жизнь моя — и свет и слякоть...»	10
В зеленом волненье мая	11
Косой дождь	12
Прабабушка	12
«Ночь. И туман. И кони...»	13
«Утро такое, как вдох...»	14
«Возвысь мою радость во мне...» .	14
Антоновка	15
Желание	16
На картошку жук напал	16
Дуньку — в Европу	17
Монолог	17
Ночь в Уссурийской тайге	18
Не жить мне с шиком...	19
Лишь подумал о другой	20
Облако	21
«Утренние заморозки...»	22
Аист	22
«Одуванчики, отцветая, тают...» .	22
«Я приеду к тебе...»	23
«Я ходил по пескам...»	24
«Остались годы за плечами...» . .	25
Под звездой вечерней	25

Догонял мечту в тоске	26
Чудные ночи	26
«Не ангел и не фея...»	27
Романс	28
Пенитель волн	28
«До конца прощальных дней...»	29
Удел русского поэта	29

Александр Александрович ГОВОРОВ

ОСТАЛИСЬ ГОДЫ ЗА ПЛЕЧАМИ...

Лирика

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 19.02.88. Подписано к печати 28.03.88. А 00321. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
Усл. кр.-отт. 1,58. Учетно-изд. л. 1,68. Тираж 150000 экз. Зак. № 2040. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.